Рахманинов Сергей Васильевич (№ 14) 04.03 (апр.)

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ "ЗАВТРА"
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ
"ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ РОССИИ..."
ИНДЕКС: 32525.

салон

Сергей РАХМАНИНОВ. 130 лет со дня рождения

Завтра. – 2003 – апр. (№ 14). – с. 7

На днях в Большом зале Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского состоялся юбилейный концерт, посвященный 130-летию со дня рождения гения русской музыки, Сергея Васильевича Рахманинова. В связи с этим корреспондент "Завтра" встретился с патриархом русского пианизма, Народным артистом СССР, президентом Всероссийского Рахманиновского общества, ветераном Великой Отечественной войны и труда, профессором Виктором Карповичем МЕРЖАНОВЫМ.

— Виктор Карпович, прежде всего, хочу поблагодарить вас за организацию прекрасного концерта, который состоялся 31 марта в Большом зале Московской консерватории и был посвящен юбилею Сергея Васильевича Рахманинова. На этом концерте еще раз удалось прочувствовать особенный, абсолютно русский строй музыки Рахманинова...

— Рахманинов — композитор, пианист, дирижер мирового значения. Но, прежде всего, он русский гений. Он чувствует мир именно как русский человек. Он понимает и игру на рояле, как русский. Ученикам я часто повторяю фразу: "Музыка должна разговаривать..." Если на Западе мы видим торжество схемы, алгоритма, то русская школа исполнительства основана на принципе, что музыка это живая, взволнованная человеческая речь, где смыслы передаются не при помощи слов, но при помощи звуков. И в музыке есть точка, запятая, вопросительный знак, и восклицательный знак...

— Вы, как председатель Рахманиновского общества и старейший педагог кафедры специального фортепиано Московской консерватории стоите у истоков Международного конкурса пианистов имени Сергея Рахманинова. Как известно, в прошлый раз победил Садакацу Цчида — исполнитель из Японии. В этом есть определенный парадокс...

— В конкурсе принимали участие 25 музыкантов из девяти стран. Садакацу Цчида выпускник Московской консерватории получил Первую премию. Садакацу великолепный исполнитель и интереснейший человек. Он увлечен не только русской музыкой, но и всей русской культурой. Говорит он по-русски прекрасно, как мы с вами. Поскольку он у меня учился, я знаю его достаточно хорошо. Поразительный был с ним случай. После того, как он закончил аспирантуру Московской консерватории он пришел ко мне в класс — это было за полгода до конкурса Рахманинова — и сказал: "Виктор Карпович, я, к сожалению, расстаюсь с музыкой. Я принял православие, крестился и я хочу посвятить свою жизнь служению Русской православной церкви. Для этого я должен получить специальные знания, и я еду в Сергиев Посад поступать в Духовную академию". Что его подвигло на такой шаг? Наверно очень серьезные размышления, глубочайшие раздумья... Садакацу пробыл в Лавре три месяца, а потом, к счастью, вернулся в мир музыки. Женился на своей соотечественнице, которая тоже приняла Святое крещение. Сейчас эта замечательная пара живет в Москве. Уезжать из России они никуда не собираются. Таким образом японец стал выразителем нашей школы не поверхностно, технически, но духовно, то есть сущностно. Садакацу играет Рахманинова так, как редко можно где-либо услышать. Поэтому, я считаю, он заслуженно получил первую премию. Кстати, параллельно в США также проводился конкурс имени Рахманинова. Меня поразила реакция американской прессы. Корреспондент "Лос-Анджелес Таймс" написал оскорбительную в отношении России и Рахманинова статью, где вылил ушаты помоев на жюри, победителей и оркестр...Статья заканчивалась примерно такой сентенцией: "Нам не нужен этот нафталинный Рахманинов. Зачем нам слушать эти опостылевшие этюды и прелюдии? Тысячи раз мы все это слушали и устали. В США есть свои композиторы (были названы определенные фамилии), нам надо их поднимать и пропагандировать!"

Что касается конкурса в Москве, то трудности возникают не от недостатка талантливых исполнителей, русских или зарубежных, но от людей, которые, занимая ответственные государственные посты, абсолютно в музыке не разбираются и, возможно, вообще далеки от русской культуры. Подчас приходится прилагать огромные усилия к тому, чтобы доказать чиновникам необходимость для России конкурса Рахманинова.

— В 1892 году Рахманинов закончил Московскую консерваторию с Большой золотой медалью. Здесь его учителями были блистательные музыканты Николай Зверев, Сергей Танеев, Александр Зилоти . Жив ли сегодня дух Рахманинова в Московской консерватории?

— История отношений Рахманинова и Московской консерватории не проста. Ректор Василий Ильич Сафонов, который, собственно, и построил наше учебное заведение, был дельный, но очень тяжелого характера, человек. Из-за него из консерватории ушли и Танеев, и Аренский и Зилоти. В 1917 году новый ректор Михаил Ипполитов-Иванов дает в газетах объявление о том, что объявляется вакансия на место преподавателя инструментовки. Сергей Васильевич откликнулся, но Ипполитов-Иванов сделал всё, чтобы это место Рахманинов не получил. В том, что Рахманинов не остался в России "заслуга" не большевиков, но Ипполитова-Иванова. Кстати, Рахманинов ведь не бежал из России. В декабре 1917 года с разрешения властей он уезжает на гастроли в Норвегию и Швецию. Известно, что там его обманули, ничего не заплатили, и он был вынужден уехать США и заключить длительный контракт. Так что уехал Рахманинов не из-за советской власти, как полагают многие, а из-за Михаила Михайловича Ипполитова-Иванова.

— Но все же, Виктор Карпович, для нынешнего поколения студентов, педагогов, что значит имя Рахманинова?

— Сейчас Россия вступила в какой-то новый, по-моему, довольно страшный период. Никакого ренессанса в культуре, увы, не наблюдается. Не последнюю роль в процессе деградации культуры играет такая страна, как Америка. Это касается и музыкальной составляющей жизни России. Музыканты, которые сейчас широко рекламируются, навязываются обществу через телевидение и газеты, на мой взгляд, не представляют русскую культуру, а их произведения, подчас, не имеют художественной ценности.

Студенты — они все, конечно, разные. И педагоги разные. В Московской консерватории педагоги вообще очень высокого класса. Но если говорить о какой-то определенной духовной линии, то тут возникает много проблем. Ряд мощных исполнительских традиций незаслуженно забыт. Константин Николаевич Игумнов, Самуил Евгеньевич Фейнберг — это люди, которые сберегли московскую пианистическую школу, да и консерваторию... А сегодня можно слышать исключительно имя Генриха Нейгауза. Культ Нейгауза раздут достаточно искусственно, на мой взгляд. Нейгауз — интересная фигура, яркий музыкант, однако роль его, мягко говоря, несколько преувеличена. Играл он хорошо, но не всегда настолько успешно, как об этом сейчас говорят. Иногда его концерты заканчивались катастрофами. Он забывал текст, вставал, уходил... Иногда были очень удачные концерты. Один из таких ему зачислили как диплом. С тех пор распространено неверное мнение, что он закончил Ленинградскую консерваторию. Кстати, Нейгауз неприятную написал книгу. Его текстами я был возмущен предельно. Прекрасная пианистка Тамара Гусева ушла от Нейгауза к Игумнову. Так он ее ославил в своей книге, написал, что она медленно учит и плохо играет. Когда она это прочитала, то больше не издала ни одного звука — настолько была подавлена. Григорий Романович Гинзбург — один из самых блестящих, с мировым именем, пианистов. А Нейгауз язвительно его сравнил с "механической машинкой". В своей книге он принижает талант великолепного пианиста Анатолия Ивановича Ведерникова. Там жесточайшая критика в его адрес... Кстати, после войны, которую Нейгауз провел в Свердловске, встал вопрос, кто же будет у него ассистентом в Московской консерватории. Он пригласил человека, который вопреки традиции не был концертирующим пианистом. Хорошего теоретика, но не пианиста. А Ведерников попал в консерваторию, только когда я получил здесь кафедру. Все потому, что Ведерников представлял школу исполнительства, отличную от школы Нейгауза. Некоторые воспитанники Нейгауза, как сумасшедшие, прославляют своего учителя. Но это вызывало и вызывает очень серьезный протест. Однажды чуть дело до драки не дошло — когда в присутствии Владимира Владимировича Софроницкого начали в очередной раз прославлять и воспевать ученика Нейгауза Святослава Рихтера. И дело здесь не в ревности. Разве можно сравнить, к примеру, книгу Фейнберга с упомянутым сочинением Нейгауза? Музыканты прекрасно поймут, о чем я говорю. Книга Нейгауза написана очень популярным языком. В ней много всяких историй и занятных подробностей. Но книга Фейнберга — это ведь высочайшее по уровню исследование в области фортепианного искусства, в области его осознания. Да, эта книга довольно-таки сложная. Зато в ней почти не употребляется местоимение "я". А в книге Нейгауза "я" через каждые пять строчек. Но самое главное, что нельзя простить Нейгаузу, это то, что он написал о Рахманинове. Сам он Рахманинова не слышал, но слышал запись сонаты Шопена. Надо сказать, что Рахманинов Шопена играет по-своему. Это совершенно гениальное исполнение. Так Шопена никто не играет. Это исполнение ошеломляет. К тому же замечателен сам факт встречи, соединения двух гениев. И что же вы думаете написал Нейгауз? "Рахманинов очень талантливый пианист. Хорошо играет "На тройке" Чайковского, но Шопена он исполняет с замоскворецкой удалью". То есть более утонченного оскорбления придумать нельзя. Человеку древнейшего аристократического рода он приписывает купеческие манеры...

— Сейчас год памяти Сергея Рахманинова. Насколько широко он будет отмечаться в России?

— Рахманиновским обществом были положены громадные усилия на то, чтобы получить под концерт Большой зал консерватории. Но, слава Богу, всё уладилось. Апрель в Московской консерватории пройдет под знаком Рахманинова. Помимо концерта кафедры фортепианного факультета, пройдет вечер, посвященный творчеству Рахманинова. В селе Ивановка Тамбовской области, в музее-усадьбе Сергея Рахманинова открывается выставка. В Тамбове, в рамках юбилейных торжеств, пройдут Международная конференция "Творчество Рахманинова в контексте мировой культуры", хоровой форум, конкурсы исполнителей, а также XXII международный музыкальный фестиваль, программа которого посвящается 130-летию со дня рождения Сергея Васильевича. В ней будут участвовать Леонид Сметанников, Михаил Плетнев, лауреат Международного конкурса имени С.В.Рахманинова в Пассадене Евгений Михайлов, многие другие. Я знаю, что в Новгороде, в Старой Руссе — на родине Рахманинова — так же пройдут какие-то мероприятия. К сожалению, нет должного понимания значения Рахманинова для России со стороны Министерства культуры. Зато помогают региональные власти, отдельные меценаты. Только благодаря Юрию Павловичу Рахманинову — внучатому племяннику композитора — в Москве, на Страстном бульваре был установлен прекрасный памятник Рахманинову работы скульптора Олега Комова.

— Когда в Англии у Федора Шаляпина спросили: "Что надо читать, чтобы лучше понять русского человека?" — он, не задумываясь, ответил: "Надо слушать музыку Рахманинова". Известно, что в 1941-1942 гг. Сергей Рахманинов выступал с концертами, сборы от которых он передавал в помощь Советской армии. В коротком письме генеральному консулу СССР Федюшину Рахманинов пишет "От одного из русских — посильная помощь русскому народу в его борьбе с врагом. Хочу верить в полную победу". Находясь на смертном одре Рахманинов узнавая об успехах русских на фронте, облегченно вздыхал и говорил "Слава Богу! Дай им Бог сил!" Умер Сергей Васильевич 28 марта 1943 года в Калифорнии, не дожив нескольких дней до своего семидесятилетия, не дожив до победы...

— Но, незримо Рахманинов праздновал победу и скорбел вместе с Россией. Музыка "запрещенного" в СССР Рахманинова звучала 9 мая 1945 года на всю страну. То было в момент священной минуты молчания, объявленной в память о погибших. Тогда звучала тема Второго концерта Рахманинова.

Сергей Рахманинов. 1904 г.

Садакацу Цчида и Виктор Мержанов у памятника Сергею Рахманинову в Москве. 2002 г.

Виктор МЕРЖАНОВ: «МУЗЫКА – ВЗВОЛНОВАННАЯ РЕЧЬ»

ВЕРА В ВОСКРЕСЕНИЕ

Говорит Садакацу ЦЧИДА — лауреат I премии Международного конкурса пианистов им. С.В. Рахманинова в Москве.

Для меня I премия на Конкурсе им. С.В. Рахманинова в 2002 году стала не только большим подарком. Она легла огромной ответственностью на мои плечи. Это был шок. В то время я забыл — в своих духовных поисках — о своей профессии, перестал понимать, почему я занимаюсь музыкой. За две недели до конкурса пошел на урок к Виктору Карповичу Мержанову, пришел неготовым. Он спрашивает: что с тобой случилось? Виктор Карпович очень гневался и очень за меня волновался. На конкурсе получилось, что жюри выбрало меня. Радости у меня не было. Принял решение жюри со страхом и трепетом. Не ожидал: слишком высоко! Мне казалось, что на конкурсе им. Рахманинова должен победить русский пианист. Ведь Рахманинов — в первую очередь, русский композитор. Музыкальный конкурс — это не спорт. Поэтому я не люблю слово "победа", понимая к тому же, что в таких вещах, как конкурс, нет абсолютной правды. Я вообще не люблю конкурсов или соревнований: от них каменеет душа. А она ведь должна изливать добрую энергию. После конкурса самое важное — чтобы человек не изменился и не приписывал себе неких заслуг. Ведь то, что создается, создается не нами. Но дается нам. Первое место мне далось. И я принял его с благодарением и ответственностью.

Рахманинов для меня — образец. Как личность. Как музыкант. Как человек. Как патриот. Рахманинов-пианист — это совокупность мастерства всех предшествовавших ему пианистов. Его неповторимая игра удивительно разнообразна, тонка, чутка и, главное, глубока. Рояль звучит, как оркестр... Как патриот сколько он сделал для Родины, скольким помог России, даже не принимая советскую систему! Здесь запрещали его музыку, плевали... Но он не умалил своей любви!

В музыкальном и духовном плане мне близкими представляются Бах, Бетховен и Рахманинов. Они — наперекор всем препятствиям — стремились к Богу. Весь Рахманинов — в его музыке, а она — радость Воскресения, радость славословия, радость для всех людей. Только встреча с Православием наполнила меня этой радостью и изменила всю мою жизнь. Я рос в католической семье и мне всегда не хватало радости и силы Воскресения. Здесь, в России, я нашел ее и считаю, что корневая сила России — вера в Воскресение. Тот день, когда я слился через исповедь с Православной Россией, — самый радостный день жизни.

Путь продолжается. И на этом пути Рахманинов мне ближе всех. Мне еще только предстоит постижение многих глубин русской музыки, музыки Рахманинова, а его я должен сыграть всего. Это он отвечает мне на вопросы, как жить в современном мире, как милостиво смотреть на мир. Он учит: злом не должно отвечать на зло. Каждый день я вижу его крестный путь, вижу его лик, его взгляд — смотрящий вдаль: в вечность, в Бога.

РАСТРЕВОЖЕННОЕ СЕРДЦЕ

И плывут, и растут эти чудные звуки!
Захватила меня их волна...
Поднялась, подняла, и неведомой муки
И блаженства полна...
И Божественный Лик, на мгновенье
Неуловимой сверкнув красотой,
Всплыл, как живое виденье,
Над этой воздушной кристальной волной,
И отразился, и покачнулся,
Не то улыбнулся... не то прослезился...

Я.П.Полонский. (Романс на эти стихи написан С.В. Рахманиновым в Ивановке 12 июля 1912 г. и посвящен П.И Чайковскому).

Более столетия назад зазвучал впервые голос рахманиновской музыки. "С первого колокольного удара чувствуешь, как во весь свой рост подымается Россия" (Н.К. Метнер). Увы, пресыщенные буйством оркестровых красок, звуковых фантазий, разрушением гармонии и лада, пряностями балетных пантомим современники не расслышали этого призыва. Рахманиновская музыка показалась излишне эмоциональной, ее формы — устаревшими. Как и беспечные современники праведного Ноя, не расслышали они зова русского половодья: "Мы молодой весны гонцы, она нас выслала вперед", — не вняли предостережению романса "Пора! Явись Пророк!". Гениальная Первая симфония Рахманинова, вершина раннего периода его творчества, провалилась. Да, дирижировавший в тот вечер Глазунов был пьян, да, оркестр звучал плохо. Но ведь можно же было даже через это исполнение почувствовать глубину музыки, услышать ее живую боль и призыв! Не услышали... И того Рахманинова — юного, безудержного, бесстрашного и безоглядного — Россия потеряла навсегда. Композитор уничтожил партитуру (восстановлена по оркестровым партиям после его смерти), прошел через тяжелейшую душевную болезнь, прекратил на много лет писать музыку.

Возвращение Рахманинова к композиторскому творчеству — Божье чудо! Чудо и то, что вернулся он Вторым фортепианным концертом. "Тема его вдохновеннейшего Второго концерта есть не только тема его жизни, но неизменно производит впечатление одной из наиболее ярких тем России и только потому, что душа этой темы русская" (Н.К. Метнер).

Воспой же, страдалец, воскресную песнь!
Возрадуйся жизнию новой!
Исчезла коснения долгая плесень,
Воскресло свободное слово!
(А.К. Толстой. "Иоанн Дамаскин")

Как встретили слушатели эту новую — углубленную, правдивую, "строгого письма" — музыку? Среди разбушевавшегося музыкального демонизма, язычества, дикарства, шутовства и скоморошества Рахманинов оказался одиноким, как и другие великие русские художники (Танеев, Васнецов, Нестеров, Бунин, Метнер). Искусительным лозунгам вольницы, которая проповедала отказ от "нудной" христианской морали, композитор "противопоставил свою "Всенощную", написанную всего лишь для хора без сопровождения: строгие старинные напевы и строгую классическую гармонию, храмовую музыку, уходящую своими корнями в глубины эллинской культуры, обретшей новую жизнь в горячо любимой им России. Рахманинов звал к духовному самоуглублению, звал к сочувствию человеческому страданию, судьбе Христа, ибо в этом видит то, что предстояло пережить его Родине, которую он не только безмерно любил, а был сам частью этой Родины, как кусок ее природы или дыхание ее духа" (Г.В. Свиридов). Однажды С.В. Рахманинова спросили о главной теме Третьего фортепианного концерта: не заимствована ли она из церковных крюковых книг? — уж очень она напоминает старинный лаврский распев "Гроб Твой, Спасе, воини стерегущии". Сергей Васильевич ответил: Нет. Просто так "написалась"!

Что ждало композитора, названного Свиридовым последней вспышкой Христианства в русской музыке, в годы, когда рушили храмы и уничтожали колокола, боролись с самим духом нации? Хула, поношения и запрет. Каким только оскорблениям не подвергался он со стороны "критиков": и предатель, и "фашист в поповской рясе"... Так что когда сегодня раздается очередной лай про "русский фашизм", стоит напомнить, что и Рахманинова, и Прокофьева "фашистами" уже называли. Как говорится, это нам не впервые такой снег на голову. Рахманинова запрещали: Александр Адрианович Егоров, пианист, открывший для России "Вариации на тему Корелли", рассказывал мне о сложностях доставки нот из Америки, опасности включения сочинения в программу классного вечера К.Н. Игумнова. Музыканты в России, как могли, укрывали от возможных ударов любимую музыку. Асафьевское ее определение: "пафос растревоженного сердца" — настолько общо, что и не придеешься...

Но было в судьбе рахманиновской музыки Чудо — когда народ, для которого он писал, всем существом своим принял ее, всей глубиной сердца отозвался. В 1945-м над прошедшей через невообразимые страдания Великой Отечественной войны, над преображенной Родиной звучал Второй концерт. И никакая цензура не смогла помешать этой встрече, ибо музыка оказалась достойной великого народа-победителя, а народ — достойным этой музыки.

Что можем сказать о сегодняшнем дне — дне 130-летия С.В. Рахманинова: чувствуем ли, разумеем ли смыслы, адресованные нам? Я сейчас не говорю об эмоциональном восприятии: эмоциональная сила воздействия этой музыки столь велика, что мы, разумеется, что-то чувствуем. Я говорю об идеях, душевной боли, заветах, думах и духовной жажде великого художника. Их постижение требует взгляда вглубь: у Рахманинова содержание не лежит на поверхности. Приведу несколько примеров.

Среди юношеских сочинений С.В. Рахманинова есть романс на слова А.К. Толстого "Ты помнишь ли вечер" — пейзаж-настроение удивительной гармонии и красоты. На заключительных словах чарующая звуковая атмосфера исполняется вдруг иной глубины, иного смысла: "И нам наше горе казалось далёко, и как мы забыли о нём!"

В одной из самых светлых прелюдий Рахманинова — Ми-бемоль мажорной — вдруг звучит трагический аккорд тромбонов — как цитата из будущего — "Симфонических танцев". Почему?

Вторая фортепианная соната. Ее по-физкультурному бодро играют многие пианисты. Но в предлагаемый нам вариант зауженного восприятия этой музыки — "музыка модерна" — никак не укладывается вторая часть: одними колористическими задачами не объяснишь ни ее голосоведения, ни содержания. А соната эта писалась вместе со "Всенощной". Многие ли пианисты заглядывали в ее хоровую партитуру?

В последние сочинения С.В. Рахманинов вводит темы-символы. Средневековая католическая секвенция "Dies irae" ("День гнева"), связанная в европейской традиции с образами смерти, звучит в Вариациях на тему Корелли, Рапсодии на тему Паганини. В Рапсодии она становится контрапунктом (совпадая с ней по горизонтали и по времени) другой знаковой теме — из каприса Паганини, связанной с легендой о продаже души. Единственным смысловым контрастом всему этому механизированному ужасу становится середина — образ России. В 15-й вариации Рахманинов тонально и образно адресует нас к своему романсу "Маргаритки", написанному на Родине. А светлая кульминация сочинения — 18-я вариация — не что иное, как прямая противоположность паганиниевской теме, ее инверсия по вертикали. Как тут не вспомнить Большой Китеж, встающий над Светлояром? Незамутненный образ Родины в 18-й вариации (русская распевность сочетается в нем с приемами старинного строчного письма) перекликается со словом Владыки Иоанна (Снычева): "Россия не сгинет до тех пор, пока вы в ваших сердцах будете лелеять мечту о ней".

В "Симфонических танцах" нисходящая секундная попевка "Dies irae" сведена лицом к лицу с восходящей интонацией лаврского распева. Битвы не избежать... Она уже идет.

Цикл из четырнадцати романсов соч. 34 завершается "Вокализом" (1915 г.), посвященным Антонине Васильевне Неждановой. Почему большой и чрезвычайно разнообразный по содержанию цикл завершается бессловесным "неизреченным воздыханием"? Почему композитор сделал переложение этой "барочной арии баховского типа" (так определяют ее музыковеды) для симфонического оркестра и записал ее в 1929 году на пластинку? Почему Рахманинов, создатель множества красивых мелодий, выделил именно эту, а наше сердце обязательно вспомнит о ней, лишь услышит "Вечернюю музыку" из "Перезвонов" В.А. Гаврилина, свиридовские "Отчалившую Русь" ("А впереди их лебедь. В глазах, как роща, грусть. Не ты ли плачешь в небе, отчалившая Русь? Лети, лети, не бойся...") или "Маленький триптих"? В "Вокализе" песня без слов разливается на фоне колокольного биения средних голосов: здесь и дорога, и путник, и купол (колокол) неба над головой, и конец, и начало. Анализ того, как преломил эту потаённую рахманиновскую традицию другой композитор-пророк, Г.С. Свиридов, — приводит современного — слышащего — философа-музыковеда к явленной нам национальной идее. Прочтите работу Татьяны Васильевны Чередниченко "Традиция без слов. Медленное в русской музыке"!

А что мы? Мы забыли сегодня, что есть Искусство; что через художника "прорекает себя Богом созданная сущность мира и человека" (слова И.А. Ильина, посвятившего С.В. Рахманинову работу "Что такое искусство"). Мы называем музыкой антидуховный грязный шум телевидения и радио, а в концертах различаем лишь: "быстрее" и "громчее". Мы верим лгунам, фантазирующим под музыку и выдающим эти фантазии за музыкальное содержание. Мы позволяем фальшивым оркестрам присваивать имена русских святынь, пусть и обозначенных латинскими буквами. Мы терпим, когда классическую музыку (и Рахманинова) используют для рекламы пошлых товаров. Мы беспечно доверяем лживым и лукавым биркам вроде "золотой соловей" или "очень русское пение"...

До наглости уверенные в своих силах, закостенелые в "самости", "субъектности", шепчем ли мы про себя молитву в начале концерта? Просим ли о том, чтобы открылись нам знаки того, что слышим со сцены?..

Лишь тогда, когда мы вспомним и восплачем о своей живой душе, исповедуемся и по-настоящему затоскуем о Правде и Красоте, — тогда, быть может, мы сумеем отличить самый тихий удар рахманиновского колокола — не по силе его, а по интенсивности содержания — от хаоса уличной какофонии, ибо "колокольный звон — это совсем не материальные звуки, это символ, звуки, наполненные глубочайшим духовным содержанием, глубочайшим духовным смыслом, который не передашь словами. Без этого смысла — все это превращается в обыкновенный железный лязг" (Г. Свиридов). Только тогда, быть может, нам откроются сокровенные смыслы рахманиновских партитур, а через них наше жизненное задание, и, быть может, явится нам Китеж — "пристанище благоутишное всем страждущим, алчущим, ищущим"...

Михаил НИКЕШИЧЕВ,
доцент Московской консерватории им. П.И. Чайковского, председатель Танеевского музыкального общества